

А.Ф. Макарова

СОЦИАЛИЗМ – ЭТО ПЕРСОНАЛИЗМ: Н.А. БЕРДЯЕВ О «ПРАВИЛЬНОМ» ОБЩЕСТВЕННОМ УСТРОЕНИИ

Макарова Анна Фёдоровна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: anna.fed.mak@gmail.com

В статье рассматривается отношение Николая Александровича Бердяева (1874–1948) к основным чертам социализма, критика слабых сторон социалистического способа общественного устройства (идеи равенства, неэффективной трудовой этики, хилиастических настроений, профанации христианских ценностей и т.д.). Отмечается, что Бердяев, несомненно, социалистически ориентированный мыслитель, и критическое отношение к наблюдаемым им формам проявления социализма связано с наличием собственного видения «целевого» состояния социалистического строя – «персоналистического социализма». В статье рассматриваются основные черты персоналистического социализма, предлагаемого Бердяевым: оправдание неравенства и защита принципа иерархизма, защита свободы личности, воспитание должного отношения к труду (труд как служение ближнему, как раскрытие потенций творчества), «новая экономическая психология», а целью персоналистического социализма, в отличие от уже воплощенных форм социализма, Бердяев заявляет создание бесклассового общества. В третьей части статьи предпринимается попытка реконструкции «социально-философской мечты» Бердяева, при этом обосновывается отсутствие у философа амбиции политического действия и создания политического проекта персоналистического социализма. Для реконструкции идей Н.А. Бердяева используются тексты разных периодов его творчества: «Новое религиозное сознание и общественность» (1907), «Философия неравенства» (1918), «Самопознание» (1949), а также статьи 1930-х гг.: «О социальном персонализме: к критике “Нового Града”» (1933), «Персонализм и марксизм» (1935), «О современном национализме» (1938) и некоторые другие.

Ключевые слова: персоналистический социализм, персонализм, критика социализма, Бердяев, социальная философия

Для цитирования: Макарова А.Ф. Социализм – это персонализм: Н.А. Бердяев о «правильном» общественном устройении // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 2. С. 37–50.

Философия знает немало авторских проектов идеального общества; амбиция этического и политического нормотворчества, кажется, вообще свойственна философу, равнодушному к тому миру, что оказался вокруг него. От Платона и до современности философских объяснений мира оказывается недостаточно или мыслителю, или даже самому миру, который требует от профессиональных философов, среди прочих компетенций, предложить целевую модель общественного устройства, а также описать кратчайшие пути к благопотребному завтра. Таким образом, в дополнение к объяснительным (критическим или апологетическим) усилиям, философ понуждается все-таки посматривать в сторону изменения мира¹.

Но всякий ли философ к этому понуждаем? Очевидно, нет. Но тот мыслитель, о котором пойдет речь в данной статье, несомненно имел внутреннее побуждение к формированию нового способа общественного устройства, приязненно относился к марксизму именно из-за широты его перспектив, из-за его «историософического размаха»², хотя и критиковал учение Маркса за многие слабые стороны. Николай Александрович Бердяев (1874–1948) не стремился к явному «нормотворчеству», хотя и называл себя моралистом по типу мысли – но, несомненно, был (или считал себя) *носителем* нормы, знающим параметры идеального состояния человеческого коммюниона. В то же время никаких задатков и стремлений к прикладной проективной работе, к политическому действию Бердяев не обнаруживал³, описывая чаемое общественное устройство только в своих текстах, и то зачастую лишь имплицитно. В этой статье я предприму попытку реконструкции бердяевского видения «правильного» общественного устройства, которое можно назвать вполне определенно – «персоналистический социализм».

Определим круг текстов, на материале которых будем производить реконструкцию. С одной стороны, в целом Бердяев писал об одном и том же – о свободе, поэтому исследователи его мысли нередко вольно перемещаются по корпусу текстов не только годовыми, но и десятилетними шагами, обобщая идеи, скажем, дореволюционных 1910-х гг. и эмигрантские работы. Относительно некоторых тем так делать категорически нельзя: например, отношение Бердяева к войне, к Церкви менялось существенно, их можно рассматривать только эволюционно. Тема же социально-философского понимания общественного идеала в размышлениях о персоналистическом социализме скорее уточнялась и прояснялась для самого Бердяева по ходу исторических событий, по сути оставаясь неизменной. Поэтому мы будем использовать материал и «Нового религиозного сознания и общественности» (1907), и «Философии неравенства» (1918), и «Самопознания» (1949), а также статей 1930-х гг.: «О социальном персонализме: к критике “Нового Града”» (1933), «Персонализм и марксизм» (1935), «О современном национа-

¹ Дискуссия о проектирующей функции философии всегда жива и актуальна, и мнения об обязательствах философа варьируются от «философ обязан участвовать в проектировании» до «философ не имеет права снисходить до проектирования». Конспект одного из содержательных разговоров на эту тему см. в: *Лекторский В.А.* Философия как проектирование человеческой реальности. Специальное заседание (invited session) // *Философские науки.* 2009. Вып. 2. С. 141–142.

² *Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1991. С. 118.

³ Впрочем, отмечу, что это дискутируемое мнение – так, философ Б.В. Межуев, напротив, считает, что Бердяев и другие мыслители его времени и круга (представители интеллектуального класса) имели конкретные политические амбиции, но не реализовали их.

лизме» (1938) и некоторых других. Любой читатель Бердяева замечает, что философ часто повторяется – и в перечисленных работах тоже, – и это связано скорее с его способом производства текстов, иногда напоминающим современный: рядом с каждой книгой (особенно по социальной философии) есть россыпь газетных и журнальных статей, как если бы сначала Бердяев интенсивно писал в блог, а потом собирал книжку, углубляя и дополняя материал; поэтому корпус публицистики всегда нужно рассматривать вместе с текстами книг – кое-то можно уточнить, можно обогатить восприятие.

После этой методологической ремарки перейдем к рассуждению по существу вопроса: прежде всего рассмотрим, на каких основаниях Бердяев отвергал современные ему проявления социалистических идей, а потом систематизируем то, что философ хотел бы изменить в социализме, чтобы сделать его истинно персоналистическим.

Исторический социализм и претензии Бердяева к нему

«О, конечно, в социализме есть и великая правда, так как велика ложь капиталистической и буржуазной общественности, я думаю даже, что в известном смысле нельзя не быть социалистом, это элементарная истина»⁴, в этом рассуждении молодого Бердяева лапидарно выражена изначальная антикапиталистическая ориентированность⁵, отторжение «буржуазной общественности» и социалистические симпатии. Мысль о том, что «нельзя не быть социалистом», видна и в таком тезисе: «...христианин может быть социалистом и даже, по моему убеждению, должен быть социалистом»⁶. Вероятное отторжение от этих формул долженствования, думаю, уменьшится, если мы вспомним о том, как Бердяев работает с терминами. Со многими важными для него понятиями философ поступает так: он их переопределяет на свой лад и только после раскрытия собственной дефиниции с ними соотносится (так Бердяев оказывается и консерваторм, и либералом, и анархистом, и социалистом). Итак, нужно определить, что имеет в виду Бердяев, говоря «социализм»: это альтернативный капитализму проект (как в экономическом, так и во внутривполитическом смысле), ценностно созвучный христианству, развивающий социальное измерение человеческой личности, оправдывающий труд и ставящий целью создание бесклассового общества. Соответственно, есть различные исторические формы проявления социалистического принципа, конкретные модели общественного устройства, и также есть *целевой* социализм, который у Бердяева совпадает с «правильным» общественным устройством и с желаемой им формой новой общественности; критика социализма относится к социализму историческому (причем, как правило, к его радикальному варианту для большей показательности), а апологетика – к целевому социализму, к которому исторический должен «нормализоваться».

⁴ Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 67.

⁵ См., напр.: Макарова А.Ф. Критика капитализма и социализма в философии Николая Бердяева // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 263–267.

⁶ Бердяев Н.А. Персонализм и марксизм // Путь. 1935. № 48. С. 18.

Критика социализма развивается в размышлениях Бердяева сообразно разворачиванию послереволюционных событий в Советской России, и социально-философский гнев обрушивается, во-первых, на идею равенства – философ полагает, что равенство губительно, несправедливо – да и невозможно. Бог не творит равных или одинаковых; вероятно, уравнение – следствие неверия в уникальность каждого человека, равнодушие к этой уникальности. Равными могут быть только творения человеческих рук, а не Божьих, т.е. «производных второго порядка», что для религиозного сознания Бердяева весьма непривлекательно. Социализм хочет равной для всех, всеобщей буржуазности, а буржуазность (в бердяевском понимании) оскорбительна для человеческого достоинства. Во-вторых, Бердяев критикует принуждение как псевдомотивационную основу в социалистическом обществе, особенно «принудительное братство», невозможное «в природном порядке»⁷, т.е. не достижимое исключительно человеческими усилиями. Вынужденность соединения, механическое конструирование коллектива явно отличается от живого и свободного сближения людей, образующих коммюнион. Коммюнион – важная категория для Бердяева, идеальное состояние взаимоприобщения, духовной общности и братства людей; в статье «Правда и ложь коммунизма» (1930) Бердяев вполне ясно пишет, что подлинное братство возможно лишь по отцу – точнее, по Единому Отцу, Богу. Таким образом, подлинность коммюниона определяется добровольным и свободным принятием Бога как Отца и ближнего как брата, прочие попытки фундировать необходимость доброго отношения к другому Бердяев полагает имитационными и бесплодными, любое принуждение (в том числе самопринуждение) – тщетным. Впрочем, создание коммюниона, по Бердяеву, выходит за пределы задач устроителей общества: «...социализм можно понять исключительно как социально-экономическую организацию общества и этим ограничить его задачу»⁸.

Важная и конкретная претензия к социализму – рассуждение о том, что для человека существование частной собственности душеполезно, т.к. позволяет свободно ею распоряжаться, в том числе для помощи бедным: «Вся евангельская проповедь Христа даже предполагает существование собственности и социального неравенства, и, оставляя нетронутым социальный строй, всегда определяемый сложными природными и историческими условиями, учит вечной истине любви и самопожертвования. Социалисты хотят сделать невозможными и ненужными христианские добродетели любви, жертвы и милостыни»⁹. Таким образом, лишая человека права свободно распоряжаться собственностью и уделять просящим, переводя милостыню из личного действия в коллективное обязательство, социалистическое общественное устройство «инвалидизирует» проявление христианских добродетелей.

Другое критикуемое Бердяевым следствие развития социалистических интенций – хилиастические настроения, также имеющие в корне насильственность, а именно – идею всеобщего благополучия, но недобровольного. Важна для Бердяева мысль Ф.М. Достоевского о возможности и даже

⁷ «Братство невозможно в порядке натуральном, оно возможно лишь в порядке благодатном» (Бердяев Н.А. *Философия неравенства*. Берлин, 1923. С. 158).

⁸ Бердяев Н.А. *Персонализм и марксизм*. С. 18.

⁹ Бердяев Н.А. *Философия неравенства*. С. 168.

обязательности для человека «самого пагубного вздора, самой неэкономической бессмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благоразумию примешать свой пагубный фантастический элемент... чтобы самому себе подтвердить... что люди все еще люди, а не фортепьянные клавиши»¹⁰. И для Достоевского, и для Бердяева бесконечно важна свобода страдания, которую отвергает социалистический дух: точнее, социалистическое строительство тоже порождает страдание, но недобровольное. «Религия социализма не есть религия свободных сынов Божьих, она отрекается от духовного первородства человека, она есть религия рабов необходимости, детей праха. Так как нет смысла жизни и нет вечности, то остается людям прилепиться друг к другу, как в утопии Версилова, и устроить счастье на земле»¹¹, – действительно, Бердяев отвергает «религиозное», тотальное, инструментальное понимание социализма.

Следующая претензия Бердяева к историческому социализму – десакрализация труда, порочная этика труда. «Социализм обоготворяет пролетариат, но уважения к труду не имеет»¹², социализм скорее бы освободил от труда. Таким образом, труд представляется скорее проклятием или обременением, чем благословением с освобождающей силой. По мнению Бердяева, социалистическая мотивация труда (кроме принуждения) не действует, поэтому нужно находить новую мотивацию, оправдывать труд как творчество. Экономические темы в текстах Бердяева периферийны, но при критике исторического социализма он довольно активно рассуждает на темы философии хозяйства и экономики. Эти вопросы чрезвычайно обширны и требуют отдельного рассмотрения, здесь укажем лишь на одну линию критики, но, на мой взгляд, осевую и объемлющую множество тем: социализм должен возникать от избытка, а не от недостатка; социалистические эксперименты в условиях сугубо экстенсивного типа хозяйствования в России Бердяев полагает необоснованными, несвоевременными. «Нет никакой возможности вбить в голову русских социалистов объективную истину марксизма о развитии производительных сил как экономическом базисе социализма, о зависимости распределения от производства»¹³; для современных ему деятелей, называвших себя социалистами, главным вопросом становится не производство и развитие производительных сил (в широком смысле – творчество), а распределение, раздел и уравнение; но «никакой раздел не может разрешить проблемы бедности и нужды, сам по себе он лишь опускает ниже уровень человечества»¹⁴. Эта претензия многократно повторяется в работах Бердяева, можно ее обобщить так: социализм в истории стран пытались построить насильственно, без должной экономической подготовки и насыщения производственными возможностями, последовательной разработки этики труда («освящения труда») и формирования трудовой дисциплины. Дисциплинированность, трезвость, суровая ответственность – эти качества личности для Бердяева чрезвычайно важны и противопологаются «безбрежной социальной мечтательности», характерной для русских революционных социалистов.

¹⁰ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. М., 1973. С. 116–117.

¹¹ *Бердяев Н.А.* Мирозерцание Достоевского. Прага, 1923. С. 142–143.

¹² *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. С. 169.

¹³ *Бердяев Н.А.* Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. М., 2007. С. 638.

¹⁴ Там же. С. 639.

Наиболее фундаментально Бердяев критикует исторический социализм за профанацию христианских идей, за «искание какой-то новой соборности, новой лжецерковности», включающей и упомянутое ранее «принудительное братство». «Создание... нового человека и братства людей есть задача духовная, религиозная, она предполагает внутреннее перерождение людей»¹⁵, и на эту задачу, по мнению Бердяева, не может претендовать ни один общественный строй, всякое посягательство на создание (точнее, конструирование) «нового человека» неизбежно приведет к тоталитаризму, унижению человеческого достоинства и, в пределе, полному истреблению свободы¹⁶. Христианские же вариации социализма Бердяев приветствует, хотя и признаёт, что они в корне отличны от оригинальных и последовательных социалистических идей: «Сходство христианства и социализма утверждают лишь те, которые остаются на поверхности и не проникают в глубину. В глубине же раскрывается полная противоположность и несовместимость христианства и социализма, религии хлеба небесного и религии хлеба земного. Существует «христианский социализм», и он представляет очень невинное явление, во многом даже заслуживающее сочувствия. Я сам готов признать себя «христианским социалистом». Но «христианский социализм» по существу имеет слишком мало общего с социализмом, почти ничего. Он именуется так лишь по тактическим соображениям, он возник для борьбы против социализма, был реакцией католичества на социализм и проповедовал социальные реформы на христианской основе»¹⁷. Отмечу, что в более ранних работах Бердяев был заметно критичнее к христианскому социализму¹⁸ – в «Новом религиозном сознании и общественности» философ называет его «очень пресным и нетворческим»¹⁹.

Итак, бердяевская критика исторического социализма, казалось бы, свидетельствует о радикальном отвержении философом такого типа общественного устройства, непереносимости самого социалистического духа и борьбе с ним; однако несомненно, что Бердяев считал себя именно социалистически ориентированным, социализм же он называл «исторически и логически неизбежным выводом из либеральной декларации прав человека и гражданина»²⁰. Это внешнее противоречие, как часто бывает у Бердяева, снимается уточнением терминов, а в этом случае – созданием нового термина: персоналистический социализм. Чем же специфичен персоналистический социализм и не является ли он лишь результатом социально-философской эквилибристики?

¹⁵ Бердяев Н.А. Персонализм и марксизм. С. 18.

¹⁶ «Опыты создания Царства Христова на земле, в ветхой природе, без преображения человека и преображения мира, всегда были и всегда будут созданием земного ада, а не земного рая, страшной тиранией, истребляющей человеческую природу без остатка» (Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 155).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Более широкий политологический контекст рассмотрения феномена христианского социализма см.: Иванов С.С. Христианский социализм как политический феномен. Дис. ... д. полит. н. Саратов, 2011.

¹⁹ Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. С. 119.

²⁰ Там же. С. 103.

Персоналистический социализм по Н.А. Бердяеву

«Социализм по своей верной идее персоналистичен»²¹, – утверждает Бердяев, и персоналистические черты могут «просветить» социалистические идеи, вывести из искушений социализма. Можно даже сказать, что желаемый Бердяевым социализм – это и есть персонализм, возведенный в принцип общественного устройства. Рассмотрим аспекты, которые формируют персоналистический социализм, и оценим сильные и слабые стороны этого бердяевского «проекта».

Основные целевые черты персоналистического социализма формулируются симметрично с недостатками того квазисоциалистического проекта, который Бердяев наблюдал в Советской России, и первое требование философа – оправдание неравенства и защита принципа иерархизма. Более того, Бердяев пишет именно о социальном неравенстве, а не только о неравенстве талантов и даров: «...является ли социальное неравенство не только необходимостью и закономерностью, но и благом, добром и правдой? Почему признали вы за нравственную аксиому, что социальное неравенство есть зло? На известной ступени развития материальных производительных сил неравенство дает максимум благ, максимум удовлетворения потребностей народа»²². Кроме того, Бердяев пишет о разной «восприимчивости к страданию» в зависимости от «организации человека, от бурлящей в нем крови предков, от воспитания, от уровня культуры, от призвания»²³ – иными словами, косвенно указывает на возможность ранжировать уровень обеспеченности (материальной тоже) людей на основании их индивидуальных черт. Эту несколько одиозную мысль можно объяснить известной оторванностью Бердяева от политико-управленческих решений, склонностью рассуждать в ценностных категориях, а также от весьма спокойного отношения к социальному неравенству, которое он рассматривает как неизбежное и пытается более или менее удачно обосновать. Однако это ранжирование обеспеченности людей не стоит интерпретировать в сословно-кастовом духе, напротив, Бердяев выступает за достойное обеспечение каждого человека, независимо от его статуса: «Не должно быть в мире нищих и голодных, всем должно быть обеспечено человечески достойное существование. Но это не требует равенства»²⁴. То есть Бердяев полагает обязательным обеспечение каждого человека *достойным* уровнем жизни, значит, современные эксперименты по внедрению безусловного базового дохода философ мог бы приветствовать. Освобождение времени для творческого труда, о котором говорили апологеты безусловного базового дохода, – эта мотивация тоже звучит вполне по-бердяевски; реальные результаты этих нововведений и обширная дискуссия вокруг них показывают, как много иных проблем предстоит решить даже тем странам, которые экономически готовы к обеспечению всех граждан базовым доходом.

Конечно, при рассуждении о желаемом общественном устройстве Бердяев остается верен ценности свободы, и персоналистический социализм должен эту свободу гарантировать и культивировать. Одно из проявлений

²¹ Бердяев Н.А. О современном национализме // Русские записки. 1938. № 3. С. 233.

²² Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 165.

²³ Там же. С. 173.

²⁴ Там же. С. 166.

человеческой свободы – в том, чтобы предпочесть нерациональное; например, жертвенность или добровольная бедность неразумны, безрассудны, они прорастают не из «экономического человека», а из самоотверженной духовной жизни. Жертвенность как служение другому, оказание ему милости, добровольное ограничение себя в материальных благах – это проявления духа, которые нельзя вызвать политической волей, их невозможно институционально организовать, к ним невозможно принудить – иначе пропадает ключевой аспект свободного выбора (или не-выбора) такого поведения. Если довести эту мысль до предела, окажется, что человек при персоналистическом социализме свободен избрать страдание и лишения вплоть до смерти, экономически деклассироваться, отвергнуть обеспечение базовым доходом, голодать – иными словами, никто не может заставить человека жить. Но, как мне представляется, Бердяев антропологически оптимистичен в христианском смысле этого настроения: он верит, что чаще всего человек изберет жизнь и творческий труд.

Воспитание должного отношения к труду – следующий важный аспект персоналистического социализма. Труд как служение ближнему, как раскрытие потенций творчества, а не как повинность и следствие ветхозаветного проклятия – таковы общие основания новой этики труда, новой экономической психологии, которую, по Бердяеву, предстоит разработать: «Необходима духовная революция, именно революция, а не эволюция, так как речь идет о смене самых принципов и основ жизни. Мы стоим перед неизбежностью создать новую психологию труда, новую экономическую психологию. Невозможно опираться на старую мотивацию труда, которая всегда была связана с той или иной формой рабства»²⁵. Новая же мотивация труда зиждется на творческой инициативе, «но эта творческая инициатива ценна не как средство для производства, а как обнаружение творческой природы человека и как служение людям»²⁶, утверждает Бердяев. Недостаток здоровой (не принудительной «сверху») трудовой дисциплины в России, вероятно, можно закономерно вывести из бердяевского представления о том, что русский человек не склонен к «срединному», к последовательному строительству и созиданию, к постепенному развитию системы хозяйствования – ему нужно или все, или ничего: «Русские люди, когда они наиболее выражают своеобразные черты своего народа, – апокалиптики или нигилисты. Это значит, что они не могут пребывать в середине душевной жизни, в середине культуры, что дух их устремлен к конечному и предельному»²⁷. О специфике «русской души» Бердяев рассуждает много²⁸, даже формулирует собственный миф о русском человеке – миф устойчивый, для него самого даже упоительный. Бердяев писал о русской «смирненной греховности», погружении в теплую национальную плоть, в низинную земную стихию – но будто бы урановещивал это messiанскими амбициями, оправдывал одно другим, не видя проблемы или трагедии в этой поляризации. Здесь немалую роль играет его давняя «программная» нелюбовь к буржуазности, к успокоенности «земным» – думаю, это всякий раз сбивало Бердяева на некоторую

²⁵ Бердяев Н.А. О социальном персонализме // Новый град. 1933. № 7. С. 58.

²⁶ Там же. С. 50.

²⁷ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. С. 13.

²⁸ Например, в книгах «Судьба России», «Русская идея», «Истоки и смысл русского коммунизма» и проч.

экзальтацию в пассажах о национальностях и мешало самому сурово и последовательно настаивать на простых призывах: нужно обеспечить каждому достойное человеческое существование, перестать строить империю и отвлекать на это силы и человеческие жизни. Тем более что в более зрелом возрасте философ выступал критиком национальных государств и культивации какого-либо национализма (который, по его мнению, «языческого происхождения»), оставляя допустимым лишь сохранение национальных ликов культур: «Национальные государства одержимы волей к могуществу и господству, порождают раздоры и войны, грозят гибелью европейской культуре. Национальные культуры обогащают человечество индивидуальными ценностями. В национальной культуре нет воли к господству, нет потенции войны. Вот почему нужно преодолеть идею суверенитета национального государства и стремиться к сверхнациональной организации народов, сохраняющих свои индивидуальные культуры, свое единственное лицо в мире. Это предполагает перевоспитание человеческих обществ, переоценку ценностей, духовное перерождение»²⁹. Как Бердяеву не нравится уравнивание людей, так он отвращается и от усиления сходства разных национализмов: «Все национализмы походят друг на друга, все более обезличиваются и вместе с тем ненавидят друг друга и хотели бы истребить друг друга. Мир идет не к единству в разнообразии, а к раздору в однообразии»³⁰. Несомненно, персоналистический социализм не может питаться от националистических идей, он должен быть *сверхнациональным*.

По Бердяеву, цель персоналистического социализма, в отличие от уже воплощенных форм социализма, – создание бесклассового общества: «Социализмом нужно назвать создание нового бесклассового общества, в котором будет осуществлена большая социальная справедливость и не будет допущена эксплуатация человека человеком»³¹. Бердяев явно выступает против классового разделения – вероятнее всего, потому, что человек при нем не только угнетается, но и отвлекается межклассовыми распрями от действительно существенных проблем. «Новый бесклассовый человек будет поставлен перед последней тайной бытия, перед конечными проблемами духа. Тогда и обнаружится в чистом виде трагизм человеческой жизни и человек затоскует по вечности»³², – по интуиции Бердяева, роскошь тоски по вечности, пожалуй, и оказывается целевым состоянием жизни человека, возвращает его от суеты дней к экзистенциальной трезвости. Следует отметить, что некритическое принятие идеи о классовой борьбе приводит Бердяева, на мой взгляд, к упрощенному взгляду на происходящее в современной ему России; фоновое доверие к мысли Маркса приводит к тому, что Бердяев иногда считает «классовость» едва ли не главным препятствием на пути освобождения человеческого духа. Полагаю, однако, что «классовое сознание» выступило в истории лишь очередным идолом, объектом ложно-избыточной фокусировки внимания, а корень проблемы при смене исторических декораций всегда остается тем же: превращение человека в функцию или инструмент, а также создание внешних и внутренних врагов, важное для временной политической стабильности. Бесклассовое общество так

²⁹ Бердяев Н.А. О современном национализме. С. 237.

³⁰ Там же. С. 235.

³¹ Бердяев Н.А. Персонализм и марксизм. С. 18.

³² Там же. С. 19.

привлекательно для Бердяева потому, что в нем нет межклассового антагонизма и ненависти; однако антагонизм и ненависть могут возникнуть по любой другой причине, кроме классовых различий, – из-за разницы культур, рас, убеждений, из-за любого неравенства, которое Бердяев так защищает. Поэтому, полагаю, «бесклассовость» – лишь периферийная характеристика «правильного» общественного устройства, более значимо устойчивое снижение resentimenta и отчуждения людей.

Элементы социально-философской мечты Н.А. Бердяева

Можно ли структурировать совокупность идей Бердяева о «правильном» общественном устройении в программу, в план переустройства России? Полагаю, говорить о «плане» принципиально неверно, т.к. разработка плана предполагает его воплощение, веру автора плана в возможность реализации каждого тезиса. Идеи Бердяева об общественном устройении можно назвать или мечтой, или манифестом философа. Персоналистический социализм, который он выписывал как предпочтительную модель, никогда не достигает, но всегда приближает лучшее, более совершенное общество. Бердяев разделяет представление о том, что утопия совершенного общества – антихристианская утопия, и такое состояние системы мыслимо только «по ту сторону истории», после конца этого мира; тем не менее это представление не снимает обязанности бороться со злом и несправедливостью, стремиться к улучшению. Парадокс в том, что без идеала общественного устройства жить невозможно, и нужно к нему двигаться, хотя и нельзя осуществить, так как возможно только асимптотическое приближение к идеалу. Другая метафора – несколько тривиальная, но отражающая, на мой взгляд, мысль Бердяева, – линия горизонта, которой невозможно достичь, но путь к которой самоценен.

Тем не менее, при всех упомянутых особенностях бердяевского перспективного видения, отметим, что определенный интеллектуальный ресурс философа для проектов новой общественности все же обнаруживается, особенно в первые послереволюционные годы. Так, в 1917 г. он пишет в манифестационном тоне: «В России должна наконец образоваться здоровая национальная демократия с сильным инстинктом национального самосохранения, с глубоким чувством связи с прошлым русской истории, с широким базисом в народной массе, с решительным социальным реформизмом в своей программе»³⁵.

Посмотрим, как изменился «манифест» Бердяева к 1933 г.: «Мы же говорим: личность в своей хозяйственной деятельности совсем не должна быть “экономическим человеком”, совсем не должна быть за ней признана хозяйственная автономия, она должна руководствоваться в хозяйственной деятельности не личным интересом, а социальным служением сверхличной цели, общество же должно быть организовано так, чтобы верховная ценность личности, всякой личности, а не самого общества, государства или нации, было его принципом. Это значит, что социализация хозяйства, преодоление хозяйственного индивидуализма должно совершаться не во имя

³⁵ Бердяев Н.А. Задачи национальной демократии // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. М., 2007. С. 656.

общества, а во имя личности, во имя того, чтобы личности было гарантировано пользование реальной, а не формальной свободой. Личность должна думать об обществе, о других, общество же должно исключительно думать о личности»³⁴. Приведенное высказывание объемлет представления Бердяева о соотношении ценности личности, общества и государства в желаемом им общественном устройстве; это высказывание обретет более конструктивный вид, если переформулировать последний тезис («общество же должно исключительно думать о личности»). Как общество может о ком-либо думать? Бердяев в своей мысли нередко склонен к антропоморфизации и психологизации надличностных структур (государства, нации), но в процитированном выше высказывании, полагаю, он прибегает к этому методу для метафоричности: «думать о личности» – значит выстраивать экономические, политические, идеологические и прочие процессы так, чтобы свобода личности в человеке не угасала и он не становился бы инструментом или средством для достижения иных целей, чем он сам.

«Проект» Бердяева – точнее, общие концептуальные представления о «правильном» общественном устройстве – можно схематично представить в следующих тезисах:

1) Личность:

- Новая трудовая этика как часть новой экономической психологии (освящение труда, труд как служение сверхличной цели);
- Личная ответственность за общее («личность думает об обществе») без внешнего принуждения;
- Культивация в человеке «срединных» добродетелей: умеренность, честность, порядочность, настойчивость, терпение, трудолюбие.

2) Общество:

- «Общество должно исключительно думать о личности», избирать достойную жизнь человека своим приоритетом;
- Оправдание культуры и искусства (снятие церковного представления об их «греховности» и государственного предубеждения об их избыточности и бесполезности);
- Идея творчества и «инстинкт производительности»;
- Свобода церкви³⁵ от «срединного мира» (от государства и культуры) при глубинном воздействии на него; развитие христианского персонализма;
- Стремление к бесклассовому обществу.

3) Экономика и политика:

- Отказ от идолоизации государства и нации;
- Возрастание принципа соборности: секуляризованное начало движения к соборности – развитие местного самоуправления;
- Поиск нового основания для экономического развития: вместо капиталистической эксплуатации порока и греха – культивирование на уровне всей экономической системы потребностей творчества, служения и хозяйственной инициативы (здесь Бердяеву могли бы быть интересны эксперименты XX в. со «свободными

³⁴ Бердяев Н.А. О социальном персонализме. С. 52.

³⁵ В этой статье мы не рассматривали вопрос о будущем церкви, которому Бердяев уделял особое внимание; этот вопрос требует отдельного рассмотрения, особенно в контексте перспективного видения развития России.

деньгами» или «деньгами с демерреджем», различные аспекты экономики дара и проч.);

- Увеличение производительности труда, постепенное создание избытков и состояния насыщения.

Указанные элементы в совокупности только указывают общее направление бердяевской мысли и могут быть полезны для философского фундаментирования возможных проектов социально-экономического реформаторства. На мой взгляд, Бердяев пребывал в двух состояниях ума: иногда он устремлен к идеальному и недостижимому, рассуждает о невозможности достижения лучшего в пределах этого мира и тоскует по этому лучшему, но в то же время он понимает, что «социальный вопрос неразрешим, разрешимы лишь социальные вопросы»³⁶. Поэтому он выступает за постепенное строительство, за соразмерные возможностям амбиции общественного устройства, за наибольшее внимание к духовному состоянию личности – но не вообще «духовному», а к тем аспектам внутренней жизни, которые имеют прямое влияние на общество: отношения между людьми, доверие друг к другу и к власти, статус этой власти в сознании граждан, весь комплекс проблем трудовой этики и т.д. Для строительства «срединного», земного, насущного можно инкорпорировать некоторые «буржуазные добродетели», не перенимая «буржуазный дух»³⁷ полностью, выстраивать хозяйство и экономику на органических началах, свойственных конкретной стране (для России одним из таких начал может стать, например, артельный принцип производства). Однако главное – верно понимать статус любой общественно-экономической системы – рассматривать ее как простую социальную организацию, не посягающую на владение человеком: «Социализм есть только условное и относительное указание на средства и методы, которыми в известную эпоху можно организовать питание человечества, решить проблему насущного хлеба так, чтобы был достигнут максимум свободы каждой личностью, чтобы до минимума было доведено порабощение и власть человека над человеком. <...> Это работа скромная и подчиненная, подчиненная высшим целям»³⁸, – пишет Бердяев еще в 1907 г., но остается верным своему убеждению до конца жизни.

Список литературы

- Бердяев Н.А.* Самопознание. М.: Книга, 1991.
Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. Прага: YMCA-Press, 1923.
Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон+, 1999.
Бердяев Н.А. О духовной буржуазности. Сборник сочинений. М.: Nouveaux Angles, 2022.
Бердяев Н.А. О современном национализме // Русские записки. 1938. № 3. С. 232–238.
Бердяев Н.А. О социальном персонализме // Новый град. 1933. № 7. С. 44–60.
Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007.
Бердяев Н.А. Персонализм и марксизм // Путь. 1935. № 48. С. 3–19.
Бердяев Н.А. Философия неравенства. Берлин: Обелиск, 1923.

³⁶ *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. С. 168.

³⁷ Сборник публикаций Бердяева о буржуазности см.: *Бердяев Н.А.* О духовной буржуазности. Сборник сочинений. М., 2022.

³⁸ *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. С. 104–105.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1973.

Иванов С.С. Христианский социализм как политический феномен. Дис. ... д. полит. н. Саратов, 2011.

Лекторский В.А. Философия как проектирование человеческой реальности. Специальное заседание (invited session) // Философские науки. 2009. Вып. 2. С. 141–142.

Макарова А.Ф. Критика капитализма и социализма в философии Николая Бердяева // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 263–267.

Socialism is personalism: Nikolai Berdyaev about the “proper” social organization

Anna F. Makarova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: anna.fed.mak@gmail.com

The article examines the attitude of Nikolai Aleksandrovich Berdyaev (1874–1948) to the main features of socialism and his criticism of the weaknesses of the socialist social order (the idea of equality, ineffective work ethic, chiliastic sentiments, profanation of Christian values, etc.). It is noted that Berdyaev is undoubtedly a socialist-oriented thinker, and his critical attitude towards the forms of socialist manifestation is associated with the fact that Berdyaev had his own vision of the “target” state of the socialist system, that may be called “personalistic socialism”. The article examines the main features of personalistic socialism proposed by Berdyaev: justification of inequality and defense of the principle of hierarchism, protection of personal freedom, proper attitude towards work (labor as service to one’s neighbor, as the revelation of the creative potential), “new economic psychology”, and, in contrast to already embodied forms of socialism, Berdyaev declares, that the goal of personalistic socialism is the creation of a classless society. The third part of the article attempts to reconstruct Berdyaev’s “social-philosophical dream”, while substantiating the philosopher’s lack of ambition for political action and the creation of a political project of personalistic socialism. In order to reconstruct the ideas of Berdyaev, the author uses texts from different periods of his work: “New Religious Consciousness and Society” (1907), “Philosophy of Inequality” (1918), “Self-Knowledge” (1949), as well as articles from the 1930s: “On Social Personalism (1933), “Personalism and Marxism” (1935), “On modern nationalism” (1938), etc.

Keywords: personalistic socialism, personalism, criticism of socialism, Berdyaev, social philosophy

For citation: Makarova, A.F. “Sotsializm – eto personalizm: N.A. Berdyaev o ‘pravil’nom’ obshchestvennom ustroenii” [Socialism is personalism: Nikolai Berdyaev about the “proper” social organization], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 2, pp. 37–50. (In Russian)

References

Berdyaev, N.A. *Filosofija neravenstva* [Philosophy of inequality]. Berlin: Obelisk Publ., 1923. (In Russian)

Berdyaev, N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky’s Worldview]. Prague: YMCA-Press, 1923. (In Russian)

Berdyaev, N.A. *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost’* [New religious consciousness and society]. Moscow: Kanon+ Publ., 1999. (In Russian)

- Berdyayev, N.A. *O dukhovnoi burzhuaznosti. Sbornik sochinenii* [About spiritual bourgeoisness. Collection of essays]. Moscow: Nouveaux Angles Publ., 2022. (In Russian)
- Berdyayev, N.A. "O social'nom personalizme" [On social personalism], *Novyj grad*, 1933, No. 7, pp. 44–60. (In Russian)
- Berdyayev, N.A. "O sovremennom natsionalizme" [On modern nationalism], *Russkie zapiski*, 1938, No. 3, pp. 232–238. (In Russian)
- Berdyayev, N.A. *Padenie svyashhennogo russkogo carstva. Publicistika 1914–1922* [The fall of the sacred Russian kingdom. Journalism of 1914–1922]. Moscow: Astrel' Publ., 2007. (In Russian)
- Berdyayev, N.A. "Personalizm i marksizm" [Personalism and Marxism], *Put'*, 1935, No. 48, pp. 3–19. (In Russian)
- Berdyayev, N.A. *Samopoznanie* [Self-Cognition]. Moscow: Kniga Publ., 1991. (In Russian)
- Dostoevskij, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works], Vol. 5. Moscow: Nauka Publ., 1973. (In Russian)
- Ivanov, S.S. *Hristianskij socializm kak politicheskij fenomen* [Christian socialism as a political phenomenon], Diss. Saratov, 2011. (In Russian)
- Lektorskij, V.A. "Filosofija kak proektirovanie chelovecheskoj real'nosti. Special'noe zasedanie (invited session)" [Philosophy as the design of human reality. Invited session], *Filosofskie nauki*, 2009, Vol. 2, pp. 141–142. (In Russian)
- Makarova, A.F. "Kritika kapitalizma i socializma v filosofii Nikolaja Berdyayeva" [Criticism of capitalism and socialism in the philosophy of Nikolai Berdyayev], *Izvestija Saratovskogo universiteta, Serija: Filosofija, Psihologija, Pedagogika*, 2021, Vol. 21, No. 3, pp. 263–267. (In Russian)